

Русская мысль. - Ташкент. - 1995. - 20-26

«Русская симфония» аф. - с. 74

О судьбе своего фильма рассказывает режиссер Константин Лопушанский

На последнем Берлинском кинофестивале приз экуменического жюри получил фильм петербургского режиссера Константина Лопушанского «Русская симфония». Его предыдущий фильм — «Посетитель музея» на Московском фестивале 1989 года также был отмечен призом экуменического жюри. Всего же четыре ленты Лопушанского собрали двадцать пять призов на крупнейших кинофорумах, в том числе и Государствен-

ную премию России за фильм «Письма мертвого человека», который был показан практически во всем мире. Но тем не менее, судьба произведений этого режиссера была и остается драматичной.

С Константином Лопушанским встретился наш петербургский корреспондент Николай Горячкин.

— Прежде всего, расскажите, пожалуйста, о традициях экуменического жюри на международных кинофестивалях и в частности на Берлинском.

— На каждом крупном европейском фестивале постоянно существуют экуменические жюри, которые составляют критики, киноведы, искусствоведы христианской ориентации. Жюри это серьезное и уважаемое, и премия тоже очень авторитетная — она считается второй по значимости после главных премий.

На Берлинском фестивале экуменическое жюри присуждало премии в каждой из трех программ. Мой фильм «Русская симфония» участвовал в конкурсе программы «Форум», нацеленной на интеллектуальное, экспериментальное, новаторское кино.

Любопытно, что в России первый опыт работы экуменического жюри, куда входили не только православные, но также католики и протестанты, был на Московском фестивале в 1989 году — том самом, где мой «Посетитель музея» разделил приз этого жюри с картиной Кшиштофа Занусси.

— Ваша последовательность на международных кинофестивалях уже оценена, и ваши фильмы воспринимаются через систему христианских ценностей. А как «Русская симфония» была принята в России?

— Картина имела трудную судьбу. Мой сценарий был опубликован в журнале «Искусство кино» еще в 1991 году. Далее три года не столько снимали, сколько искали деньги для съемок. Затем — новые мытарства: лента была показана на Петербургском «Фестивале фестивалей», и наши кинематографические круги с большой остороженностью ее восприняли. Внутри страны каждый показ все больше удалял меня от того киномира, который существует в России сейчас. Случайно я заехал в Анапу на фестиваль «Киношок» и там ощутил, что нет ничего более противоположного, чем этот киномир и я. В Берлине, где мою картину показали пять раз, была определенная этика, как, впрочем, и на каждом фестивале: нельзя входить в зал, когда фильм уже начался, и нельзя выходить до его конца. В Анапе же было проблемой найти в зале трезвого зрителя. Это вообще-то вопрос стиля, но когда стиль кабака переходит на искусство — это говорит о болезни общества.

— Как можно сформулировать духовную проблематику, которую ста-

вит ваш фильм, и почему он не был принят российским миром кино?

— Я думаю, здесь два аспекта. Во-первых, это фильм о России в контексте истории, культуры, мифов, идеалов и чаяний. Это своего рода кино-эссе с большим количеством цитат и парафраз из русской литературы, философии, живописи. В центре его — фигура русского интеллигента (не как социального, а как общекультурного типа).

Кадр из кинофильма «Русская симфония». В главной роли — Виктор Михайлов.

В Апокалипсисе сказано, что дух Антихриста есть дух подмены. И в моем фильме возникает бесконечный ряд лиц — масок, а как основа сюжетных событий — наша последняя революция, то есть перестройка: она существует здесь как ступень, шаг в русской истории, а в этом процессе участвует и русский интеллигент. На мой взгляд, он всегда был некоей священной короной — мы мифологизировали этот образ. Если же вспомнить историю других русских революций и глобальных потрясений, то трудно обнаружить много двойничества, подмен, масок, метаморфоз в этом общественном слое, концентрирующем в себе национальную культуру и духовность. Вероятно, нашей нынешней интеллигенции в том состоянии, в котором она пребывает сейчас, такой взгляд мог не понравиться.

— На каких художественных критериях основывается ваша мировоззренческая соотнесенность с миром христианских ценностей?

— Это точка отсчета, с которой я пытаюсь смотреть на события, окружающие нас ныне, определять их духовную сущность. Наше время ведь есть только микроразрешение всечеловеческой и национальной истории, и сегодняшняя интеллигенция не изолирована от веками сложившихся архетипов русского сознания. Для меня парадоксальным образом в фильме случилось так, что в сценах современной жизни начинают проступать ситуации и образы Достоевского. Это повторение органично для нашей истории, в нем мне видится ключ к пониманию самих себя. Академик Лихачев замечательно говорил, что независимо от разных эпох архетипы национального сознания в России повторяются. Мы могли бы от чего-то себя защитить, предохранить и насторожиться в чем-то, понять, что если повторяются странные метаморфозы с нашими революциями, то есть смысл подумать, почему это происходит.

— Есть ли в «Русской симфонии» прием притчи, на котором строились все ваши предыдущие фильмы?

— Он присутствует, хотя фильм по структуре постмодернистский — в нем множество ассоциаций, определяющих сюжет, содержание, систему образов.

— Также через все предыдущие фильмы проходила идея Апокалипси-

са — так, во всяком случае, писала критика.

— Действие «Русской симфонии» происходит уже при начавшемся Страшном суде — но он оказывается инсценировкой, как и все последующие события. Говоря об Апокалипсисе, можно брать внешний слой — все горит, разрушается, гибнет: в фильме это тоже явлено. Но есть другой, внутренний аспект, связанный с человеческой душой, верой, судьбой, — это торжество духа Антихриста, когда невозможно добраться до сущности, определить лицо. Мир утопает во лжи и зле и утрачивает веру.

В одном из своих многоликих главных герой произносит речь, суть которой сводится к пошлейшей фразе, которую мы слышим сегодня на каждом углу: «Кто выплывает, тот и будет жить». В ней видит поруганный разум путь к спасению. Прозрение и искренность приходят к герою уже в финале, когда погублены те, кого он должен был спасти, и наступает покаяние — ползком, по снегу, в одежде юродивого. Этот путь слишком часто повторялся в российской истории.

— Как воспринял широкий зритель «Русскую симфонию»?

— Мне трудно говорить о широком зрителе, поскольку удалось организовать только несколько просмотров, в частности на философском факультете Московского университета и в московском Киноцентре. По реакции видел, что фильм нужен. Но к массовому зрителю мои картины пробиться почти не могут — между нами стоит всемогущий кинопрокат, который — я говорю это с полной ответственностью — абсолютно мафиозная структура, заинтересованная лишь в прибыли.

— Поэтому, видимо, и сложилась дикая ситуация, когда «Русская симфония» закуплена не российским кинопрокатом и телевидением, а западными компаниями, и массовый зритель будет у вашей очень русской картины не на родине, а во Франции и Германии. А ведь всего лишь пять-шесть лет назад именно фильмы Германа, Сокурова, Лопушанского, Овчарова собирали полные залы.

— Тогда вообще центр «интеллектуального кино» переместился в Петербург. Но, видимо, за столь короткий срок многое изменилось.

— Судя по всему, ваши отношения с Церковью и священством несколько шире, чем у простого прихожанина?

— Я принял христианство в 1981 году у отца Александра Меня в Сретенской церкви. Тогда у меня появилось много друзей среди духовных детей о. Александра, в том числе — Андрей Бессмертный, киновед, много сделавший в деле евангелизации. Позже я познакомился с Андреем Ереминым. В 1989 году он написал очень глубокую статью о «Посетителе музея» — фильме радикально религиозном.

— Приз в Берлине вам вручал католик. Кое-кто из программно называющих себя православными поиронизировал бы над этим фактом. Экуменическое жюри якобы самим своим названием отпугивает их.

— В этом есть некая национальная спесь. Да, я православный — и этим уже сформулировал свою христианскую позицию и выбор конфессии. Что вовсе не значит, что я должен кичиться своим выбором. Я считаю, что многое в православии вернее, точнее в плане духа, но это вопрос теологического спора, и он не должен остро ставиться, когда дело касается культурных традиций. Мне кажется, что институт экуменического жюри Католического киноцентра — это культурная сфера Европы, которая объединяет людей, понимающих искусство именно в религиозной традиции. Тема для общения здесь — искусство, и оно объединяет нас больше, чем разделяют различия в тонкостях теологии.

Беседу вел
НИКОЛАЙ ГОРЯЧКИН

Санкт-Петербург